

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИЗВЕСТИЯ
УЗБЕКИСТАНСКОГО ФИЛИАЛА

39

12
1940

ИЗДАТЕЛЬСТВО УзФАН
Ташкент—1940

УНИКАЛЬНЫЙ ПАМЯТНИК АГИОГРАФИЧЕСКОЙ СРЕДНЕ-АЗИАТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVI ВЕКА

I

А. А. СЕМЕНОВ

Труд, имеющий название - *سراج السالكين و لطائف العارفين* („Светильник шествующим [мистическим путем] и остроумные слова познавших [высшую истину“]) написал ‘Убайдулла Накшбенд-и-Самарканди, современник и ученик ферганского шейха XVI в. Лутфуллы Чустского, посвятив это сочинение жизнеописанию своего духовного наставника. В востоковедной литературе об этом труде имеется три упоминания: два—очень кратких—в XXII т. „Зап. Вост. Отд. И. Р. А. О-ва“ (стр. 312) и в „Прот. и сообщ. член. Турк. кр. люб. арх.“ т. XX, стр. 76 и третье, более подробное—в „Отчете о командировке в Туркестан“ в 1920 г., акад. В. В. Бартольда (Прил. к протоколу заседания Отд. истор. наук и филологии, 29 июня 1921 г., стр. 61-63). До империалистической войны были известны три списка этого сочинения: один принадлежал Йунус-Хан-тюре, в Намангане (мы его не видели), другой (виденный нами), написанный на русской плотной синей бумаге XVIII в., грязный и дефектный, с утерянными листами в середине и без конца, был у казия г. Пскента Мулла-хан-Джан-казия, и третий—у пишущего это. Где теперь находятся первые два списка—неизвестно. В Государственной публичной библиотеке УзССР есть такой же труд (инв. № 629), с тем же заглавием, почти с таким же распределением материала, но начало рукописи и изложение другие.

Автор этого труда называет себя Мухаммед Рахим (л. 6а) и приводит тот мотив составления его,

что первоначальная редакция труда Мовляны ‘Убайдуллы Самаркандского была искажена в дальнейшем невежественными переписчиками; вследствие знакомства с этим трудом „язык людей упреков и людей внешнего познания вещей стал длинным, а руки для воспрепятствования (сему) у людей, познавших истинный смысл божественного закона и скрытые тайны, оказались короткими“ (лл. 5 и 6). Судя по этому и по приводимым Мухаммед Рахимом ссылок на труд ‘Убайдуллы Самаркандского (лл. 52а, 126 б и др.), естественно заключить, что рукопись ГПБ УзССР является более поздней редакцией труда ‘Убайдуллы Самаркандского и притом, судя по беглому просмотру, очищенной от тех неприглядных характеристик шейха и современного ему общества, которые приводятся в труде ‘Убайдуллы и которые, очевидно, и вызывали у многих весьма критическое отношение к личности Лутфуллы Чустского. К сожалению, список ГПБ УзССР дефектный: в начале (лл. 6—9) его текст сильно попорчен попавшей на бумагу влагой; он не имеет конца, обрывается на л. 136, на четвертом разделе V главы. Судя по палеографическим признакам, этот список относится к XVIII или к началу XIX века.

Сочинение ‘Убайдуллы Накшбенда, несмотря на его, казалось бы, узко агнографический характер, заключает много очень ценных исторических фактов, совершившихся в XVI в. в пределах Ферганы, Таш-

кента, Самарканда и других мест. Оно сообщает любопытные подробности о напряженной борьбе двух тогдашних могущественных дервишских корпораций, ходжагон („накшбендия“) и кубравийя и, вместе с тем, дает нравственный облик „духовного вождя“ народа, Лутфуллы Чустского, как образец низкой культуры тогдашнего общества, которое жило в затхлой атмосфере религиозного фанатизма и грубочувственных влечений. Поэтому мы более подробно разберем содержание труда 'Убайдуллы и приведем главнейшие палеографические особенности рукописи.

Она была приобретена нами 26 лет тому назад в г. Чусте от ходжей, потомков шейха Лутфуллы, живших при его мазаре. Список этот заключает 216 листов размерами 18×28,5 см; бумага грубой выработки; во многих местах внизу листы сильно изъедены червями, без порчи, однако, основного текста; почерк — посредственный среднеазиатский наст'алик, руки „ничтожного, презренного бедняка, пребывающего в отшельничестве, в гнезде бедствия, — Мухаммед-Баба-ибн-и-Мулла Алим-Баба-ибн-и-Мулла Ашур Кучик-и-Андигания“, переписавшего список „в очаровательном медресе Агалыка“ в 1173/1759 г. (дата эта по циклу — год зайца относится именно к 1759 г.). Написанная кинноварью над этим годом и зачеркнутая дата 1022/1613—14 г., вероятно, обозначает дату того списка, с которого переписана данная рукопись (л. 216^a—6). На полях написан трактат *ترغيب الصلوة* („Страсть к молитве“) Мухаммед-бен-Ахмед-бен-Захида (об этом труде см. у Хаджи Хальфы в его *كشف الظنون* по изд. Flügel'я, т. II, стр. 282), который не окончен (л. 16^b, 73). С листа 77^b по 94^b на полях написаны извлечения из *مناهج العباد* („Большие дороги рабов [Истины]“) — возможно, то же сочинение, которое упоминает Х—Хальфа в *كشف الظنون* по изд. Flügel'я, т. VI, стр. 159). Три с половиной последних листа (после 216^b) заняты разного рода назидательными записями. Кожаный

переплет с тиснением, европейской работы, завершает оформление рукописи.

Начало основного текста после „басмалы“
هو الاول والآخر والظاهر والباطن وهو بكل شيء
عليم. هو الله الذي لا اله الا هو عالم الغيب
والشهادة هو الرحمن الرحيم الخ

После цветистого предисловия, автор излагает причины, побудившие его написать свой труд; он, между прочим, упоминает, что показывал написанное им своему шейху в бытность его в Хисаре, но Лутфулла приказал ему повременить с окончанием и обнародованием своего труда; лишь спустя три года, будучи в Ташкенте, шейх разрешил 'Убайдулле закончить труд (л. 8^a—6). Автор — ученик шейха Лутфуллы — хорошо знал последнее, но, тем не менее, вероятно ради полноты, черпал о нем сведения из недошедшего до нас сочинения главы дервишей — накшбендия долины р. Ахенгерана (Ангрена), Мовляны Мухаммед-муфти, современника и последователя шейха Лутфуллы; в некоторых местах Мухаммед-муфти упоминается, как автор приводимых строк, и академик Бартольд несомненно прав, отмечая, что „очевидно, в этих случаях 'Убайдулла Самаркандский буквально выписывал слова своего источника“¹. Кроме того, встречаются позаимствования из труда Махдум-и А'зама (известного по очень немногим спискам) *مقامات حضرت مخدوم كلان* („Подвиги святейшего великого господина“) и некоторых других сочинений.

Автор, судя по предисловию, расположил содержание своей книги в восьми главах (باب) и заключительной части (خاتمه). Первая глава (в рук. лл. 10^b—58^b) посвящена „разрядам“ суфиев ордена ходжагон и звеньям их мистической цепи в смысле получения суфийской благодати через восходящий ряд шейхов до самого Мухаммеда; вторая глава (лл. 58^b—

¹ См. вышеупомянутый его „Отчет о командировке в Туркестан“ в 1920 г., стр. 61.

—66б) трактует об отце и дедах шейха Лутфуллы; **третья** глава (лл. 66б—95б) посвящена жизнеописанию духовных наставников или суфийских шейхов, у которых проходил свое мистическое воспитание шейх Лутфулла, или идеям которых он следовал; **четвертая** глава (лл. 95б—105б) говорит о случаях в жизни, которые имели место при начале его суфийского пути; **пятая** глава (лл. 105б—129а) говорит о внешних проявлениях жизни шейха и его повседневных делах; в **шестой** главе (лл. 174б—216а) приведены слова и речи шейха относительно тариката или мистического пути суфиев; в **седьмой** главе (лл. 129а—141а) приводятся: послание шейха Лутфуллы своим заместителям с разного рода советами и указаниями и его письмо, посланное с пути в Кабул ташкентским и ферганским дервишам; **восьмая** глава (лл. 141а—174б) посвящена разным случаям из жизни шейха и его чудесам; в **заключительной части**—молитвенные обращения, элегия на смерть шейха и хронограммы на его смерть, сказанные в стихах поэтами и выдающимися людьми того времени.

Однако в самой рукописи этот порядок распределения материала нарушен; за **пятой** главой (лл. 105б—129а) следует глава **седьмая** (лл. 129а—141а), а следующая **восьмая** глава (лл. 141а—174б) ошибочно названа опять **седьмой**, **шестая** же помещена после нее (лл. 174б—216а). **Заключительная часть**, с обещанным описанием смерти шейха Лутфуллы, отсутствует¹.

Перепутанность глав можно объяснить тем, что Мулле Алим-Баба помогали переписывать рукопись другие лица. Так, лл. 105б по 106а—б включительно (начало **пятой** главы) написаны другою рукою; то же следует сказать о лл. 128—130 (начало главы **седьмой**, вместо порядковой **шестой**) и л. 187а. За-

ключительная же часть, повидимому, совсем отсутствовала в той рукописи, с которой переписывалась настоящая. Возможно также, что заключение и вообще не было написано автором, особенно если принять во внимание вышеприведенное его свидетельство, что настоящий труд был им написан при жизни шейха Лутфуллы, которым был апробирован.

Исторический фон, на котором развевывалась жизнь шейха и сопутствовавшие ей события, были первые годы владычества в Мавераннахре узбеков, которые поделили области Средней Азии между своими принцами крови, обозначавшимися арабским словом „султан“ в противоположность верховному правителю, главе всех узбекских племен и населения всего Мавераннахра, называвшемуся ханом.¹

Таковыми поместными правителями-феодалами из узбекских принцев в ту пору были: Барак-хан в Ташкенте (его, собственно, звали Новруз-Ахмед-хан), Мухаммед-Султан в Хисаре, Дервиш-Султан (брат Барак-хана)—в Ахсикете, в Фергане; носителем же верховной власти в Мавераннахре был ‘Абдуллатиф-хан (947/1540 — 959/1551)—сын Кучкунджи-хана, дяди Шейбани-хана, живший в столице шейбанидов, в Самарканде. Судя по некоторым данным рукописи, большую роль в этом городе играл племянник Абдуллатиф-хана—Са’ид-хан. Усобицы узбекских принцев, их восстания против центральной власти, опустошительные набеги на узбекские владения кочевников-казахов и киргиз были постоянным явлением и составляли величайшее зло. Население Мавераннахра жестоко страдало как от притеснений собственных правителей, так и от набегов степных хищников.

¹ Ханский титул, впрочем, давался в некоторых случаях наследникам престола, его же присваивали себе некоторые особенно сильные принцы-феодалы, почти не признававшие центральной власти (вроде ташкентского Барак-хана).

Ко всему этому примешивалось и внутреннее неустройство. Единой религиозной идеологии не существовало, потому что мусульманство поддерживалось и внедрялось в умах населения не только „правоверным“ духовенством, но и главами могущественных дервишских корпораций, по существу враждебных духовенству и распространявших идеалы, не совместимые с доктриной ислама.

В то время самыми большими и влиятельными дервишскими орденами в государстве узбеков были „накшбендийя“ или „ходжагон“ и „кубравийя“. Первый считался более правоверным, чем второй, имевший шиитскую окраску, но в действительности исповедывавший более глубокое философское учение весьма рационалистического характера, как это можно заключить из редких рукописных трактатов этого ордена, хранящихся в Государственной публичной библиотеке УзССР¹.

Но не столько идеологические противоречия между орденами „накшбендийя“ и „кубравийя“ вызывали среди них ожесточенную вражду, сколько борьба руководителей этих орденов за „мюридов“, т. е. за те десятки тысяч послушных им рядовых членов этих своеобразных братств, которые всевозможными своими дарами и подношениями неимоверно обогащали своих духовных наставников, ишанов или шейхов, пиров. Поэтому естественно, что у кого из них было больше учеников в разных местах страны, тот был богаче и влиятельнее.

Переманивание „мюридов“ было явлением обычным и если принять во внимание, что равноправными членами дервишских корпораций, наряду с простым народом, были и султаны, и купцы, и военные, то ишанам было заманчиво иметь в

¹ Они находятся в сборной рукописи за инв. № 2501; описание каждого из них подготовлено мною к печати. Их составление относится к эпохе шейха Лутфуллы, а происходят они из бухарского селения Соктари (в районе Гиждувана, где был центр дервишей „кубравийя“).

слепо подчинении влиятельных и богатых „мюридов“. Отсюда — всевозможные интриги, наветы и преступления одного ишана в отношении другого. Если же государственная власть или влиятельные представители духовенства относились недоброжелательно к деятельности того или иного могущественного шейха, то они быстро устранялись с пути последнего кинжалом или ядом с помощью какого-либо слепо преданного „мюрида“.

Разные эпизоды этой борьбы между дервишскими орденами „накшбендийя“ и „кубравийя“ в районах Ташкента, Ахенгерана (Ангрена), Ахсикета, Самарканда и Хисара и сопровождавшие их политические события красочно отображены в нашей рукописи и дают картину поразительно низкого нравственного уровня тогдашнего общества, особенно глав дервишских корпораций. Позволительно заметить, что если еще в XI в. н. э. знаменитый наставник в суфизме шейх Джуллаби, в своем труде „Раскрытие скрытого для людей сердца“ (كشف المحجوب لارباب القلوب), рисовал весьма неприглядную картину положения дервишизма с его лживыми и преступными пастырями и пасомыми¹, если в XV в. н. э. последний великий классический поэт Ирана — Джами, в своем биографическом труде „Ароматные веяния ветра дружбы из мест святости“ (نفحات الانس من حضرات القدس), также печально характеризовал суфийских лжеучителей и обманщиков², то в XVI в. их нравственный облик выглядел еще омерзительнее. Шейх Лутфулла сам называл себя человеком срамным, непристойным (شطاح) и развратным (л. 219^а); его учитель, знаменитый в летописях Средней Азии Махдум-и А'зам (Ходжаги-йи-Касани), гордец и большой стяжатель, был руководителем убийств своих врагов и т. п.

¹ По-русски об этом см. в изданной проф. В. А. Жуковским книге Джуллаби „Раскрытие скрытого за завесой“. Ленинград, 1926, стр. 14 — 16.

² См. نفحات الانس Джами, л. в изд. N. Lees. Калькутта, 1858, стр. 15 и сл.

Убайдулла Самаркандский, дервиш и близкий ученик шейха Лутфуллы, был достойным сыном века и с неподражаемой наивностью и эпическим спокойствием нередко передает возмутительные факты из жизни высокочтимых шейхов и их окружения.

В нижеследующей передаче наиболее характерных и интересных с исторической и бытовой точек зрения фактов из труда Убайдуллы Самаркандского мы следовали постепенности изложения им своего труда, указывая после каждого факта листы рукописи, на которых они изложены. Может быть, в результате получилась от этого некоторая непоследовательность и отрывочность, но нам казалось целесообразным сохранить течение и расположение мыслей автора, чем давать их перестройку в нашей редакции.

Шейх Лутфулла Чусты происходил из Ферганы, из области, которую называли „рудником муджтахидов“¹ и „сундуком познавших“ (т. е. суфиев), родился в Чадаке (چاداك), одном из древнейших мест Ферганы, принадлежавшем к округу Ахсикета (в 5 фарсангах на юго-запад от него²). Чадак искони славился обилием происходивших из него разных ученых людей, большинство которых было там и похоронено. В этом живописном селении, расположенном в горной долине, на берегу речки, учился у своего дяди Хусамуддина знаменитый в исламе ученый правовед, шейх Бурхануддин-и-Маргинани (ум. 598/1197 г.), автор „Хидаи“³. В Чадаке же по-

хоронены и те знавшие пророка арабы (таби'ий), которые бежали сюда после поражения арабских завоевателей под Сафед-Буляном¹.

Отец шейха-Лутфуллы, скотовод и замледелец, носил имя Фатхуллы, был другом дервишей и всегда чувствовал большое расположение к их шейхам и рядовой братии. По ранним воспоминаниям Лутфуллы, его отец, вставши раньше обыкновенного и прочитавши молитвы, брал его на руки и учил повторять за собой зикр, т. е. произносить имена Аллаха. И мальчику, еще в возрасте шести лет, казалось, что под влиянием этого зикра он из объятий отца то возносится к небу, то поросшие лесом горы нисходят к нему и обступают его, он движется и они движутся вместе с ним и повторяют зикр.

Человек состоятельный, отец Лутфуллы много помогал не только дервишам, но и простым обывателям. В один крайне голодный год он кормил до нового урожая много пришедшего к нему со своими семьями и родственниками народа.

Назвав сына „Лутфулла“, что буквально значит „милость Аллаха“, отец видел в этом прямое указание на то, что его сын в будущем должен делать разного рода милости рабам Аллаха. Когда мальчику исполнилось пять лет, его отправили в школу (мактаб), по окончании которой он перешел в мадрасу. По окончании образования Лутфулла женился и поселился в Чадаке, но вследствие крайне неприязненного к нему отношения родственников и близких он вынужден был переселиться в Забиркан (زېرقان). Но и здесь его возненавидело население. Тогда Лутфулла перебрался в селение Каринан (كړينان), где пробыл около десяти лет или боль-

¹ Муджтахид—лицо достигшее высшей степени в познании шарията.

² Ахсикет или Ахсикент—когда-то столица северной части Ферганы, лежавшая на правом берегу Сыр-Дарьи и подробно описанная арабскими географами X в. н. э. как богатый и красивый город; в позднейшее время незначительное селение Ахсы, Чустского уезда.

³ Полное название этого труда (на арабском языке) البداهة في شرح العبادات („Руководительство в отношении толкования [книги]“). „Начало [для начинающего]“; он представляет до сих пор самый авторитетный и полный курс законоведения для всех мусульман-суннитов ханефитского толка.

¹ Позднейший мазар Сафед-Булян лежит к востоку от Касана за кишлаком Паддак. О борьбе арабов с населением Ферганы и о поражении арабов там, где мазар Сафед-Булян, см. у В. Наливкина. Краткая история Кокандского ханства. Казань, 1886, стр. 8—10.

ше, но и отсюда должен был убраться вследствие враждебного отношения к нему населения. Поселившись после того в Чусте (в рук. везде почти چوس—Чус, Чос), Лутфулла в течение некоторого времени и здесь испытывал весьма неприязненное отношение к себе большинства горожан.

Автор не говорит о причинах такого враждебного отношения к шейху, но с наивностью передает, что однажды Лутфулла заинтересовался вопросом, в чем причина такого враждебного к нему отношения. Он взял „Сборник стихов“ Фередеддин-Аттара и раскрыл его наудачу. Его взгляд упал на стих:

هرکرا باشد ریاضت پاره^۱
از کده هایش نباشد چاره^۲

т. е. „У кого будет хоть частица подвижничества,

Тот не оберется пинков (от людей).“

После этого Лутфулла успокоился. Между тем, общее враждебное отношение к нему было таково, что нашло отклик даже в среде близких к шейху Лутфулле дервишей. Один из них ночью вошел к нему с ножом, чтобы зарезать его. Нож случайно выпал из рук дервиша и он, не найдя его в темноте, ушел. На утро этот нож попался на глаза шейху и он его взял. Когда замышлявший убийство дервиш пришел к шейху и попросил отдать ему нож, Лутфулла спросил его, в чем дело? Тот ответил: „я приходил было зарезать тебя, но нож вдруг выпал из моих рук и потерялся“¹ (лл. 59—60^a и 64—65, глава **ВТОРАЯ**).

Свое суфийское послушание шейх Лутфулла начал проходить под руководством Мовляны Шах-Хусейна, который в **тасаввуфе** был учеником Ходжи Ахрара² и одно время учился в Самарканде, в квартале „Ходжа-Кафшер“ (محلّة خواجده کفشیر), затем продолжал свое образование

в г. Маргинане, в Фергане, под руководством шейха Хусамуддина (лл. 65^a—67^a). Хусамуддин пользовался большим влиянием среди населения, которое иногда жаловалось ему на обиды правителей и Хусамуддин жестоко обличал последних, за что и был выслан из Маргинана в Ташкент (л. 70). Умер он в 930/1523—24 г. (л. 73^a).

После уроков и поучений шейха Хусамуддина Лутфулла перешел „под начало“ шейха Мухаммед-кази, другого ученика Ходжи Ахрара, хотя Хусамуддин и предостерегал Лутфулла от этого руководителя. Лутфулла впервые увиделся со своим вторым наставником в Самарканде (лл. 72^b—73^a), сделался его учеником, и Мухаммед-кази, будто бы, предсказал ему великую будущность в суфизме (лл. 73^b, 75^b—76^a). Лутфулла побывал с своим пиром во многих городах Средней Азии и из всего им виденного и слышанного за это время из бесед с наставником он извлек для себя пользу и поучение.

В 921/1515—16 г. Мухаммед-кази умер и его место, как шейха дервишей накшбендиев, занял самый знаменитый из его учеников, Ахмед Ходжаги-йи-Касани, более известный под своим почетным прозвищем „Махдум-и А‘зам“.¹ К нему на послушание и перешел Лутфулла. Пока был жив Махдум-и А‘зам, Лутфулла покорно служил ему и

ностью и авторитетом и у правителей, имевший сотню тысяч учеников в разных местах страны и владевший несметными богатствами; он—автор нескольких сочинений по суфизму. Родился в сел. Богистон, в горах Ташкентского района в 807/1404 г., умер в сел. Дахбид, под Самаркандом в 895/1490 г.

¹ Буквально „величайший господин“ этот эпитет наш источник прилагает также и к Мухаммед-кази; встречается он иногда и в других агиографических памятниках Средней Азии в приложении к некоторым шейхам, но в отношении шейха Ахмеда Ходжаги-йи-Касани эпитет „Махдум-и А‘зам“ приобретает особенное значение, ибо почти до последнего времени в Средней Азии в среде всех мало-мальски знающих о суфизме лиц, с этим эпитетом всегда соединялось представление только о шейхе Ахмеде Ходжаги-йи-Касани.

¹ Т. е. автор видит в этом случае чудо.

² Знаменитый среднеазиатский ишан XV в., пользовавшийся огромною популяр-

подчинялся всем его указаниям (л. 79).

Проходя свое суфийское послушание, Лутфулла в то же время учился в Самарканде у разных наставников различным наукам вроде юриспруденции (фикх), изучения хадисов и толкования на Кор'ан. Окончив это, он отправился в Ахсикет, где занялся писанием разных фетв (юридических решений). Когда же Махдум-и А'зам прибыл в Чадак, Лутфулла поспешил к нему и оставался при нем, как упомянуто, около трех лет, совершенствуясь в разных стадиях созерцательной жизни. Ценил усердие и способности своего ученика, Ходжаги-и-Касани еще при жизни сделал его своим заместителем в „тасаввуфе“, наказывая своим ученикам слушать его (л. 80).

Любопытная картинка тогдашних дервишских нравов. Однажды, будучи в своей худжре мадрасы Ахсикета, Лутфулла увидел во сне Ка'бу, а в ней сидит его пир, Махдум-и А'зам, вокруг которого собрались обитатели потустороннего мира (رجال الغيب) и разные „святые“ мужи. Лутфулла отправился к своему пиру и попросил у него объяснения своего сна. До этого же, надо заметить, Лутфулла испытывал какое-то безотчетное смущение и страх. „Ты увидел все это — заметил ему Махдум-и А'зам — и освоился от своего страха; что же ты радостного сообщишь, чтобы мы сделали тебя хальфою?“¹

Лутфулла ответил: „я имею 250 овец и коз, куплю на 200 тенег книг, возьму ковер, кошму для отдыха, один котел, пять блюд, имеющихся у меня наличность в золоте и в 250 теньгах и все это предоставлю вам, на ваши нужды“.

Махдум-и А'зам согласился на это, прочел фатиху и сказал:

¹ Халифа или хальфа — заместитель шейха ордена в том или ином районе на правах как бы самостоятельного руководителя местных мюридов. Собирая с них приношения, он значительную часть последних оставлял у себя, а остальное посылал своему шейху.

„Ты все желаешь отдать, чтобы все получить. (Стих). О боже, оттого, что он довольствуется малым, сделай его богатым. И светом истины просвети его сердце“. Затем приказал Лутфулле передать все перечисленное им одному из своих учеников, Имадуддину Санги, впоследствии сделавшемуся учеником Лутфуллы (лл. 82^б — 83а).

О своем совместном пребывании с Махдум-и А'замом Лутфулла рассказывал потом своим ученикам немало интересного и поучительного с точки зрения суфийской доктрины и морали. Как выше упомянуто, Махдум-и А'зам избрал его еще при жизни своим заместителем в качестве пира ферганских суфиев ордена „ходжагон“. Однажды, собрав своих учеников, Махдум-и А'зам сказал им: „Знай-те, что всех вас я взвесил на весах и просеял через сито, и нашел среди вас Лутфуллу“. Затем, вручив последнему свой посох, он произнес: „Я вручил тебе жезл пиров и поручил тебе братьев (ياران), которые отныне будут получать от тебя воспитание в суфийском духе“. И, обратившись затем к мюридам, Махдум-и А'зам произнес: „Мовляна Лутфулла есть праведный Абу-Бекр нашего времени“. Затем Махдум-и А'зам послал Лутфуллу в Ахсикет; по прошествии 15 дней Лутфулла получил известие, что его наставник скончался. После этого он становится авторитетным пиром ферганских суфиев (86 — 87а).

Со ссылкой на труд „Подвиги святейшего великого господина“ (مقامات حضرت مخدوم كلان), т.е. Махдум-и А'зама, рассказывается, как последний в начале своих мистических исканий впал в такое состояние, что его принимали за помешанного. Не зная, что с собою делать, он случайно встретился с одним дервишем, который определил его душевные страдания одним термином — „искание“ и порекомендовал ему отправиться в Ташкент к старцу Мухамед-кази, ученику Ходжи Ахрара, который излечивает подобные страдания и болезни. Махдум-и А'зам, вняв этому совету, покинул Касан

с котомкою книг за плечами и отправился в Ташкент. По его словам, Мухамед-кази принял его, как родная мать, и Махдум-и А'зам стал его мюридом (лл. 88^б — 90^б). Потом, вернувшись в Касан, Махдум-и А'зам решил все же переселиться в Самарканд, но случившееся восстание киргизов задержало его на несколько дней в сел. Базари-Кухнэ, что в районе Ахсикета. Тогдашние ферганские правители, Дервиш-Султан и Мир-Хакк-берды, из-за страха перед киргизами, пришли с своими войсками из Сафед-Буляна в Ахсикет и имели неоднократные свидания с Махдум-и А'замом. В одно из них Мир-Хакк-берды, бывший одним из эмиров Барак-хана, желая нанести оскорбление шейху, заметил по-персидски: „почему братия бежала от киргизов? Ведь дервиши — меч господень!“ И повторил ту же фразу потюркски. Услышав это, шейх страшно возмутился, встал и, покинув собрание, собрался и выехал в Самарканд. Вскоре после того Мир-Хакк-берды заболел и послал одного из своих родственников в Самарканд просить прощения у шейха, но тот остался непреклонным и не простил обидевшего его эмира. Через короткое время Мир-Хакк-берды и все его дети были убиты (л. 91).

С одним из приближенных ташкентского владетеля Барак-хана, Султан-Ибрагимом, у Махдум-и А'зама произошли большие неприятности, виновником которых дервишские источники выставляют Султан-Ибрагима, передавая такой рассказ. Когда для спасения мусульман гор. Бухары от угрожавшей им расправы со стороны подошедших к столице Барак-хана и Султан-Ибрагима в стан неприятелей явился Махдум-и А'зам, то на собрании Султан-Ибрагим нанес ему оскорбления. Сам Барак-хан неоднократно говорил, что Султан-Ибрагим, явившись к нему, сказал: „государь! если ты хоть слово скажешь этому дервишу (т. е. Махдум-и А'заму), он овладеет тобой. Смотри, ничего с ним не говори и самое лучшее убей его и безотлагательно, пока можешь,

возьми этот город“. Когда Барак-хан назначил аудиенцию Махдум-и А'заму и последний был введен в его юрту, Султан-Ибрагим, сидя позади Барак-хана, по словам последнего, побуждал хана: „не говори с ним ничего, дай мне возможность ответить ему!“ Шейх, однако, держался с таким достоинством и величавостью, что произвел на Барак-хана (по его, будто бы, признанию), необычайное впечатление и вселил в него такой страх и трепет, что его душа была готова покинуть тело и он не мог устоять против слов и требований шейха.

Об этом чрезвычайном впечатлении от встречи с Махдум-и А'замом Барак-хан в тот же день рассказывал некоему „ученейшему из ученых“ Хафизу Койги. Шейх же, по возвращении в город, в течение нескольких дней много молился и занимался мистическим богомыслием, а затем в один из дней на городской стене лег на спину и выставил свои ноги по направлению осаждающих и тем, будто бы, чудесно удерживал их от решительных действий против города. Это он повторил, когда неприятель хотел предпринять решительный штурм. В конце концов, враждебные бухарцам эмиры вынуждены были снять осаду и уйти.

После этого не прошло и 40 дней (л. 92^б), как Султан-Ибрагим был неожиданно убит. При этом в рукописи приводится очень любопытный рассказ „опоры великих эмиров Али-Сейиди“.

„В один из дней, — говорит этот, несомненно, „мюрид“ Махдум-и А'зама, — у меня явилось сильное желание убить Султан-Ибрагима. Я отправился к нему в дом под предлогом попросить у него ножик подрезать себе ногти. Когда я получил от него нож, у меня мелькнула мысль отказаться от задуманного мною намерения и я было вернул ему взятый нож. Но вдруг предстал шейх Махдум-и А'зам, — да отметит его Аллах светом прощения! — и приказал мне убить его, говоря: „уничтожь эту смуту“. Я тогда опять попросил у Султан-Иб-

рагима нож и когда он мне его дал, я убил его“.

Один из дервишей рассказывал еще такой случай. Был некто Мовляна Касим, пользовавшийся большим доверием и расположением Барак-хана, ташкентского правителя. Он питал глубокую антипатию к Махдум-и А'заму, совершенно не признавал его авторитета и всячески ему противодействовал.

Однажды Махдум-и А'зам направлялся из Самарканда в Бухару и когда доехал до Кал'а-и-Дабуси¹, Мавляна Касим выехал ему навстречу, слез с лошади и оказал шейху знаки почета и смирения. Когда они расстались и шейх поехал дальше, Мовляна Касим заметил: „Я — визирь высокопоставленного государя, а он передо мною не выказал должной скромности“.

Проживавшие в области Кал'а-и-Дабуси последователи Махдум-и А'зама подверглись со стороны Мовляна Касима поношению и притеснению. „Пока я жив, я знаю, что мне нужно сделать с вами“, — говорил Мовляна Касим. Некоторые из дервишей передали эти слова Махдум-и А'заму; тот крайне возмутился и сказал: „если я раскаялся бы в том, что зарезал барана или корову, то не сделаю этого, убив собаку“. Спустя несколько дней, пришла весть, что Барак-хан приказал отстранить Касима от должности и конфисковать все его имущество, а затем убить как со баку (л. 93а — б).

Махдум-и А'зам написал собственноручно для Лутфуллы тринадцать **иршад - намэ**, в которых указывалось, как ему самостоятельно руководить народом и как воспитывать массы в суфийском духе. Эти указания сопровождалась посла-

ниями Махдум-и А'зама населению тех районов, где протекала деятельность Лутфуллы, как непосредственного заместителя (халифа) Махдум-и А'зама. Одно из таких посланий заслуживает, чтобы привести его целиком:

„Он прещедрый!

Да знают блаженные братья и счастливые друзья (наши), то-есть ташкентские, паркентские, пскентские и ахсикетские братья — да увеличится достоинство их и божественная помощь к ним! — что в настоящее время состоялось (наше) разрешение и дано (нами) дозволение на принятие звания шейха господину собрату по вере и истинному другу, шествующему в путях шарифата и тариката, высокопарящему соколу хакиката¹. Стихи: Тому, который одним взором усмотрел в Тавризе Шемса веры². Который упрекает (недостойного) раба и осмеивает (жестокого) сановника, т.е. Мовляна Лутфулле, ибо из (всех) братьев он был наиболее преуспевающим.

(Наша) просьба к братьям такова, — да пребудут они в подчинении ему и да блюдут его наставительные слова, так как говорится, что воспитание стоящим во главе братом — самая необходимая вещь. Посему всем друзьям и братьям необходимо исполнять его назидательные слова и блюсти с ним доброе общение, потому что люди, неисполнившие сего, пребудут в огорчении,

¹ Суфизм различает четыре стадии в своих достижениях: первая закон (или веления позитивной религии (шарифат), которые прежде всего должен знать ученик; вторая — мистический путь, проходимый на почве полного и беспрекословного подчинения воле учителя; третья — марифат — мистическое познание и четвертая — хакикат, в которой суфий познает себя отождествленным с Абсолютом и, пребывая в состоянии сверхъестественного ясновидения, видит вещи в их подлинных образах. Иногда две последних стадии обозначаются (как здесь) одним термином хакикат.

² Стих этот и последующий, повидимому, относятся к знаменитому мистическому поэту XIII в. н. э. шейху Джелалетдину Руми, обретшему в Тавризе своего руководителя, известного Шемса Тавризского (Шемс-и-Табризи — Солнце Тавриза).

¹ Кал'а-и-Дабуси — один из древнейших городов Мавераннахра (древнее г. Бухары), лежавший подле современного Зийаудина на р. Зерафшане. (Позднейшие сведения о развалинах Кал'а-и-Дабуси у Н.Ф. Ситняковского в „Прот. и сообщ. член. Турк. кр. люб. арх.“, т. III, стр. 92; у Л.А. Зиминой в его „Кал'а-и-Дабуси“, в том же ученом издании, т. XXI, стр. 43 — 64 и у Кастанье, в его „Разв. Кала-и-Дабуси“, в том же издании, за тот же год, стр. 32 — 37).

(не) вступят на путь истины и перед всеми дьяволами, гениями и людьми оставит их Аллах беспомощными. Таким же образом великие святые, — да почиют благословения всемилоостивого над пророком нашим и над всеми ими! — объединились вместе и одержали победу над неверными. Стихи: Каждый пророк, шествовавший истинным путем ◊, Проявил чудо и обрел (тем сам) спутников. ◊ Оттого-то многочисленность лиц в караване (успешно) поражает врагов мечами и копьями. ◊ И так, будь другом общества. ◊ (И) формируй дружбу из кирпичей и камней! ◊ Хорошо единение друга с друзьями ◊, Укрепись же в мире духа, внешний же образ непокорен! ◊ Если ты обладаешь философским камнем, то освободись от чувственных влечений, ◊ И чрез искусство сделай врагов друзьями. ◊ Посему воспитаю-ка я сам понятливых людей и этого достаточно. ◊ Я дважды прокричал, если есть на селе человек (, — отзовись)! ◊ (По-арабски). За милости (следует) благодарность, и если вы действительно возблагодарите нас, то мы увеличим наши (к вам милости). Разумный удовлетворяется

своим руководством на истинный путь!

Ничтожный бедняк—Ахмед ал-Касани“ (лл. 93б-94а—б).

Судя по рассказу о том, как однажды Лутфулла Чустии совершал в мечети Ахсикета обряд и’тикаф“а (трехдневного поста с углублением в молитву) и как затем был устроен огромный маджлис его учеников и последователей, мюриды у него были и в Ташкенте, и в Бухаре, и в Самарканде, и в Хиваре и в проч. местах (л. 109а).

Говоря о Махдум-и-А‘заме, автор приводит интересное известие о получении этим шейхом с особым нарочным письма из Индии от известного Султана Бабура (932/1526—937/1530)¹ вместе с книгой своего сочинения (название ее не приводится), в которой имелись и стихотворения Бабура²; повидимому, в виде образца из них даются четыре. Так как два из них (одно персидское, а другое турецкое), насколько мы знаем, неизвестны, то мы позволяем себе привести здесь все эти образцы музыки знаменитого земляка Махдум-и-А‘зама, первого „великого могола“ Индии³.

1

ليك از دل وجان معتقد اشانيم *
شاهيم و ولي بنده درويشانيم *

درويشانيم گرچه نه از خويشانيم
دورست مگوی شاهي و درويشي

2

پيش اهل الله از افعال خود شرمزنده ايم *
خواجگي را مانده ايم و خواجگي را بنده ايم *

درهواي نفس خودما عمرضايع کرده ايم
يك نظر با مخلصان خسته دل فرماکه ما

¹ Султан Бабура или Бабур—уроженец и государь Ферганы, после борьбы с пришельцами-узбеками был изгнан ими из Мавераннахра, укрылся в Кабуле и после 20-летней подготовки начал наступление на Индию, которую и покорил, основав, так называемую, империю „великих моголов“. В литературе известен своими знаменитыми „Мемуарами“ и четверостишиями на тюркском языке.

² Очевидно, имеется в виду присланное Бабуром толкование на сочинение Ходжи Ахрара „Трактат родительский“, (رساله والد) с письмом, полным душевного волнения, охватившего Бабура под влиянием этого произведения. Ответные рассуждения Махдум-и-А‘зама на этот труд Бабура представляют небольшой трактат, называемый „Risala-йи-Бабурийя“: Он, насколько мне известно, никогда не был

издан и существует только в редких рукописях [в Гос. публ. биб. УзССР имеется список за инв. № 501 (XXV)].

³ Первое, третье и четвертое из этих четверостиший написаны размером хезедж, а второе—ремель. Второе и четвертое четверостишия имеются в „Собрании стихотворений Импер. Бабура“. Ч. I Текст (Петроград, 1917, стр. 81, четверостишие 230 и стр. 83, четверостишие 239); причем в⁰ втором четверостишии в печатном издании имеется такое отступление от такого же четверостишия нашей рукописи: в первой строке вместо *گرچه خودما* в последнем четверостишии я поставил, согласно списку ГПБ, в последней строке вместо *وارسته* (печатного издания и нашей рукописи)—*وابسته* как более отвечающее смыслу.

برهم زده درمن و پریشان درمن * بی صبرمن و بی سرو سامان دورمن
یارب نیتای اوزایشیمگا حیران درمن * نی دین ایشی نی قیلدیم و نی دنیائی

چون نیست عمل چه علم سودست بدست * انداختم نیست چواز شست بدست
امیدکه وابسته شوم دست بدست * دستم بگرفتی و ازین خرسندم

То-есть:

1.

Мы—дервиши, хотя и не из близкой (им среды),
Но сердцем и душою мы привязаны к ним.
Не говори, что далеки (один от другого) царь и нищий:
Я—царь, но (вместе с тем) я—раб дервишей!

2.

В своих страстях мы погубили нашу жизнь
(И) перед „божьими людьми“ (теперь) стыдимся за свои
дурные поступки.
Брось же (хоть) один взгляд на (нас) печальных,
искренне преданных (тебе),
(Ибо) мы (хотя) и оставили Ходжаги'я, но мы—рабы
Ходжаги'я (Касани).

3.

Я лишен терпения, я без мысли и разума,
Я сокрушен духом и расстроен,
Я не совершил ни религиозных дел, ни мирских,
О, боже, что делать, я (сам) поражен своими действиями?!

4.

Нет у меня падения, как у плектора на руке¹.
Когда же нет дел, то что пользы от обладания наукой?!
Ты взял мою руку (и) я доволен,
(Ибо) надеюсь, что я (отныне) становлюсь связанным
(с тобою) соединенными руками.

ОТ РЕДАКЦИИ

Помещенное выше содержание уникальной рукописи, посвященной описанию жизни и деятельности шейха Лутфуллы Чустского, дает весьма яркую и любопытную картину из истории общественных формаций Средней Азии XVI в., когда ханы и их феодалы, занятые постоянными междоусобицами, втягивали в них могущественные дервишские корпорации с их алчными, беспринципными и развращенными руководителями, так называемыми шейхами или ишанами. Достойным представителем последних был Лутфулла Чустский, ферганский „старец“. Большое количество любопытных бытовых картинок и черт, встречающихся в вышеупомянутой рукописи и перенесенных частично в публикуемое описание этой рукописи, представляет несомненный исторический интерес. Вторая часть статьи будет напечатана в одном из ближайших номеров журнала.

¹ Термином „шэст“ или „нахунак“ называется металлический плектор, особого рода напалок, надеваемый на указательный палец при игре на струнных ударных инструментах (тамбур, ребаб и др.). Поэт хочет сказать, что он находится в бездействии, будучи лишен благодатного руководства Ходжаги-йи-Касания.

ИЗВЕСТИЯ

УЗБЕКИСТАНСКОГО ФИЛИАЛА

АКАДЕМИИ НАУК СССР

36

3

ИЗДАТЕЛЬСТВО УЗФАН
1941

УНИКАЛЬНЫЙ ПАМЯТНИК АГИОГРАФИЧЕСКОЙ СРЕДНЕАЗИАТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVI ВЕКА¹

II.

А. А. СЕМЕНОВ

Автор, упоминая о странствованиях дервишей, в том числе и Лутфуллы Чустского, иногда приводит любопытные подробности о некоторых местностях современного Узбекистана. Так например, Ташкент был раскинут на большой территории и его мазары были весьма удалены друг от друга. Место, где расположен мазар имама Каффалья Шаши², было настолько дикое и страшное, что туда люди и днем боялись заглядывать (л. 36 а-б). Голодная Степь или, по тогдашнему названию, „Чул-и-Дизах“ (Джизакская степь), по свидетельству Лутфуллы, была столь неприветлива и ужасна, что когда у него пала лошадь, он пешком с трудом добрался до Шахрухии (л. 103б).

Лутфулла посетил область Ахенгеран, остановившись в Минг-Йига-че у одного суфия, по имени Худайдада. Тот в виде назр'а преподнес шейху 40 тенег. Шейх завязал деньги в платок и ночью, ложась спать, положил их себе под голову; утром же платок с деньгами оказался исчезнувшим. Сопровождавший шейха в пути дервиш сильно боялся, как бы окружавшие шейха мюриды и ахенгеранские дервиши не заподозрили его в краже. Но Лутфулла заметил: „Это дело рук такого-то, он подобное делал еще при Ходжаги-йи-Касани“.

Окружавшие шейха дервиши опечалились. А затем произошло следующее. После совершения *тахажжуда* (ночной молитвы), пришел один из старейших учеников шейха, Ахмед-суфи, „солдат“, и сказал дервишам, бывшим при шейхе: „Платок с деньгами нашелся, потому что я видел во сне, как некто светозарный, принеся тот платок, вручил его шейху, а тот, взяв его, спрятал себе за пазуху“. Когда дервиши подошли к шейху, он вынул этот платок из-за пазухи и сказал: „Я обратился к шейху Бехауддину „накшбенду“,³ и он, принеся тот платок с деньгами, вручил его мне“ (л. 144 а-б). Отмечая этот факт, автор наивно видит в нем чудо и святость Лутфуллы.

Шейх Лутфулла, бывая в Ахенгеране, застал там орден „кубравийя“, главою которого был за несколько времени до того шейх Мухаммед; большинство ахенгеранцев было его мюридами. Шейха в то время уже не было в живых. У него были дети, которые и поддерживали учение отца. Другая значительная часть ахенгеранского населения была после-

¹ См. „Известия УзФАН“ № 12, 1940.

² По словам арабского автора XII в. н. э. ас-Сам'ани, Абу-Бекр ал-Каффаль, был из числа первых имамов мусульманского мира, ученых знатоков толкования Корана, преданий о Мухаммеде (хадисов), мусульманского права и лексикологии. („The kitav al-Ansav“ в серии Givv'a (Londn./Leyden. 1912; p. 325). Умер в 427/1026—1027 г.

³ Шейх Бехауддин, современник Тимура, считавшийся до последнего времени патриархом Бухары, умер в 791/13⁹ г. (О нем см. в нашей статье „Бухар. шейх Баха-уд-Дин“ в „Сборнике, посвящ. А. Н. Веселовскому“, М., 1914, стр. 202—201).

дователями шейха Ходжа-йи-Хурда из рода известного ташкентского шейха Хавенд-и-Тахура¹. Ходжа-йи-Хурд был наследственным шейхом в тарикате, в одной из его разновидностей, „джахрия“.

Новруз-Ахмед-хан и его эмиры свято верили Ходжа-йи-Хурду, который проживал в Ташкенте. Услышав о вступлении Лутфуллы в пределы Ахенгерана, наследники шейха Мухаммеда страшно взволновались, опасаясь, что они лишатся *назр'а* и их мюридов, которые теперь-де перейдут в лагерь Лутфуллы. Так оно и вышло. Дети шейха бросились в Ташкент к шейху Ходжа-йи-Хурду и рассказали ему, что шейх Лутфулла появился в Ахенгеране и все население сделал своими последователями, что его, шейха, мюриды тоже стали последователями Лутфуллы и что последний считает Ходжа-йи-Хурда „неверным“, а их отверженными. Зависть местных шейхов к успехам проповеди Лутфуллы повела к тому, что, объединившись с эмирами из числа своих последователей и с некоторыми своими добродетелями, которые были злы на Лутфулла, ахенгеранские шейхи и Ходжа-йи-Хурд постарались возбудить против него Барак-хана, ташкентского правителя. Нашли ложных свидетелей, пустили в ход большие взятки ташкентским эмирам, садру и проч. влиятельным лицам лошадыми, скотом и золотом.

Они просили устроить диспут с Лутфуллой. Но бывшие при дворе Барак-хана благожелатели этого шейха повели дело так, что Барак-хан отдал приказ: спорить и препираться дервишам нехорошо, пусть они помирятся. И приказал казнию Ташкента и некоторым из тамошних вельмож помирить спорящих суфиев.

Когда открылось примирительное собрание, Ходжа-йи-Хурд, бывший главою зачинщиков похода против Лутфуллы, начал говорить вздорные и грубые слова, которые ему подсказывали вражда и ненависть к Лутфулле. Лутфулла же соблюдал молчание по поводу содержания слов „великих веры“, памятуя разные суфийские и шариатские наставления в подлежащих случаях. Присутствовавшие ученые и знатные, поняв, что слова шейха Ходжа-йи-Хурда происходят от неосведомленности его в науке, отвергли их и примирение внешне состоялось. Лутфулла покинул собрание и, уходя, послал сказать шейху Ходжа-йи-Хурду с одним из знакомых такой стих:

گنت کو آئین درویشی نبود * ورنه باتو ماجراها نداشتم

„Он (так) говорил потому, что у него не было дервишского правила (смирения), * В противном же случае я имел бы с тобою (разговор) о всем происшедшем“. И при этом на лице Лутфуллы отразились гнев и раздражение. После того Лутфулла собрался в Самарканд, а так как ташкентские дервиши и население умоляли его побыть с ними некоторое время, то он сказал: „Когда этот лжец ойдет в небытие, я вернусь“. И направился в Самарканд.

Но случилось так, что пришедшие из Чаганиана² и Хисара народ и дервиши просили Лутфулла от имени тамошнего населения посетить эти места и шейх направился туда. Там к нему явилось с покаянием множество султанов и великих людей.

Спустя год после этого, несколько ташкентских дервишей написали заявление Новруз-хану, прося возвратить шейха Лутфулла, указывая при этом на смерть его противника шейха Ходжа-йи-Хурда, вследствие чего устранены препятствия к появлению Лутфуллы в Ташкенте. При этом просители заявили знатым людям и эмирам: „Все, что мы говори-

¹ Шейх Хавенд-и-Тахур (в просторечии шейх Антаур)—один из предков Ходжи Ахрара, умер в 756/1355 г. или в 761/1359—1360 г. Его мазар до сих пор существует в Ташкенте [О нем см. в нашей статье „Ташкентский шейх Хавенд-и-Тахур (шейх Антаур) и припис. ему кулях“ в „Прот. и сообщ. чл. Турк. кр. люб. арх.“ год XX, стр. 25—31].

² Область Чаганиан или Саганиан в средние века занимала долину р. Сурхан-Дарья и считалась одной из цветущих и плодороднейших местностей Средней Азии.

ли раньше о шейхе Лутфулле, было клеветой и ябедой: дух дьявола руководил тогда нами". И принесли покаяние, заявив о своей готовности полного повиновения Лутфулле. Несколько дервишей разделись даже со своими женами и просили близких к Лутфулле дервишей и суфиев быть за них ходатаями перед шейхом. Впоследствии они впали в состояние полного ему служения и повиновения.

Одного из противников шейха, бывшего казием в Ахенгеране, в один из праздников толпа мюридов и большая толпа народа извлекли из дома и, накинув на шею ему веревку, привели к Лутфулле. Народ, обнажив свои головы, требовал возмездия за преступления казия. Шейх распорядился прогнать казия с террасы, куда его привели, так как учить его добру у него не было охоты (лл. 145—148б).

Рассказывается также, что шейх Лутфулла однажды перебрался в Хисар. Дело было к зиме и мюриды и его почитатели уже приготовили все необходимое для его зимовки, но шейх неожиданно собрался и уехал в Ахсикет, несмотря на усиленные просьбы местного правителя, Мухаммед-султана остаться. Когда Мухаммед-султан умер, ему наследовал его сын Тимур-хан, крайне отрицательно относившийся к шейху Лутфулле. Он вступил в орден „кубравийя“. По этому случаю среди известной части населения увеличилась вера в названный орден. Потом шейх Лутфулла рассказывал Убайдулле, который сопровождал его в Хисар, что, находясь на мазаре шейха Якуба Чэрхи¹, он узнал, что в Хисаре произойдет подобный раскол, и потому его покинул (л. 150б).

Сам шейх Лутфулла рассказывал, как после смерти своего наставника, Ходжаги-йи-Касани, он отправился в Самарканд и там в мечети Рабата² поступал по заветам своего наставника, стремясь оживить орден „ходжагон“. Проповедуя народу, он много людей заставил покаяться и вступить в этот орден. Пришли к нему и последователи шейха Хусейна Харезмийского (т. е. дервиши „кубравийя“³ и, раскаявшись, приняли учение ордена ходжей. И в то же время принесли какие-то круги и сказали: „Это дал нам шейх (Хусейн-и-Харезми) со словами: „то, что есть в этих кругах, тому вы верьте!“—„Я, — говорил Лутфулла, — посмотрел эти круги и увидел, что круг, на котором было начертано имя владыки правоверных Али, сделан больших размеров, в ладонь руки, а всех суфийских шейхов изобразили имеющими прямое отношение к Алию, как будто они все преемственно получили от него суфийскую благодать. А в круг, величиною всего с ноготь, поместили прочих трех ближайших друзей Пророка, и никого из святых господних (وليا الله) не показали имеющими к ним отношение. Таким образом пропустили путь ордена „ходжагон“, восходящий к Абу-Бекру. После этого я очень много говорил, почему шейх так сделал. Потом некоторые из его последователей и ближайших учеников—заместителей пришли ко мне и сказали: „Шейх говорит, что те три друга Пророка не были совершенными, а

¹ Шейх Якуб-и-Чэрхи, происходивший из сел. Чэрх, в районе г. Газны (в Сев. Афганистане), был учеником шейха Бехауддина „накшбенда“ а после его смерти—его заместителя, Алауддин-Аттара. Он умер в 851/1447—1448 г. (Эту дату дает один источник خزينة الاصفيا² Муфтия Гуляма Лагорского. Т. I, Каунпур, 1894, стр. 567).

² Может быть, следует Рибад (предместье), но возможно здесь употребление и слова Рабат в значении дервишского общежития.

³ Шейх Хусейн-и-Харезми был в суфизме учеником шейха Хаджи Хамушани (Хабушани), возглавлявшего орден „кубравийя“. Получив в 910/1504—1505 г. иршад на право самостоятельного руководства учениками в суфийском духе, шейх Хусейн оставался главой ордена до самой смерти, последовавшей по одной версии в 956/1549 г., а по другой—в 958/1551 г. Его жизнеописание посвящены два редких неизданных труда, составленные его учениками: один مفتاح الطابرين („Ключ для ищущих [Истину]“, Махмуд-бен-Шейх Али-бен-Имадуддин-и-Гидждувани) ем (о нем—Бартольд. „Отч. о команд. в Турк.“ в ЗВО, т. XV; стр. 205—212. Теперь эта рук. находится в ГПБ УзССР); второй جادة العاشقين („Большая дорога любящих [Истину]“), Шерефуддин Хусейна, и тоже в рукописи (за инв. № 499) хранится в ГПБ УзССР.

был совершенен лишь владыка правоверных Али и через посредство его святые божие получили суфийское воспитание“. Я сказал: „Если ваш шейх так полагает, то он—еретик, шиит“. Дервиши пошли от Лутфуллы к шейху Хусейну Харезмийскому, а у него было большое собрание, на котором присутствовали разные высокопоставленные лица и (самый влиятельнейший человек) в Самарканде Султан Са'ид. Дервиши заявили своему шейху, что Лутфулла называет его еретиком—шиитом. Султан Са'ид, будучи мюридом шейха Хусейна, спросил: „Чего заслуживает человек, называющий еретиком подобного руководителя, как наш шейх?“. Присутствовавшие ответили: „Ему нужно обрить бороду и отрезать язык“.—„Я был занят беседою в мечети,—продолжает Лутфулла,—как Султан Са'ид, придя туда с людьми, вытасил меня из мечети, и пешего, с обнаженной головой и ногами повели по базарам, а потом привели меня к воротам мадрасы Улуг-бека и там сбрили мне усы и бороду и отрезали язык. В то время я мысленно спросил: „владыка миров, в чем тут твоя премудрость?“ И я услышал голос потустороннего мира: „Не печалься, Лутфулла, ибо мы дадим тебе другие усы, бороду и язык и погоним к тебе людей, ты же успокойся!“ Когда меня отпустили, я отправился в дом Махмуд-ходжи, одного из потомков Сеййид-Ата¹, в то время вступившего на суфийский путь. У меня очень болела голова. Собрались врачи и хирурги и сказали: „надо совершить гомосексуалистический акт (ازمیان پائین را خادمی باید کرد)“. Дервиши так и сделали. После этого у меня прошла головная боль, а спустя несколько времени, надо мною совершилось чудо: я стал говорить; борода и усы мои тоже выросли. Спустя несколько дней после этого случая, самаркандский хан Абдуллатиф взял Султана Са'ида и вместе с знатными людьми и жителями Самарканда привел его ко мне и, склонив передо мною голову и ноги, просил меня: „Простите его вину, он нехорошо сделал.“ Я, стыдясь Абдуллатиф-хана, сказал: „Я прощу его, если бог и его посол простят его“ (лл. 154а—155а).

После смерти Абдуллатиф-хана Барак-хан решил овладеть Самаркандом. Он несколько раз подходил к нему с большим войском, но сильно укрепленный племянником Абдуллатифа, Султан-Са'идом, город не сдавался и Барак-хан в конце концов вынужден был вернуться в Ташкент. Однако с прибытием к нему из Турции отряда около 300 человек, вооруженных огнестрельным и огнеметным оружием, Барак-хан снова решил пойти на Самарканд. Собрав большое войско и взяв с собою турок, он отправился в поход. Но и в этот раз не смог взять город. Раздраженный неудачей, он двинул свою армию на Шахрисябз, рассчитывая, что со взятием этого города ему легче овладеть Самаркандом.

Под Шахрисябзом произошло сражение, в котором был убит начальник турок. Не сумев взять и этот город, Барак-хан вернулся в Ташкент.

Шейх Лутфулла в это время прибыл из Ахсы в Ташкент и сказал хану: „Садитесь на коней и отправляйтесь в Самарканд. Если быстро поедете—скоро им овладеете, а если поздно выступите—поздно и овладеете“. Барак-хан послушался этого совета и через два месяца Самарканд был в его руках. Он послал за шейхом Лутфуллою нарочного, который и доставил шейха в Самарканд. Барак-хан почувствовал к шейху большую веру и стал одним из искренне преданных ему лиц.

Войско Барак-хана выступило в Ташкент и Туркестан, а хан с многими людьми остался в Самарканде. Этим обстоятельством воспользовался Султан-Са'ид-хан. Он соединился с другими узбекскими султа-

¹ Сеййид-Ата (в некоторых источниках—Са'ид Ата) был вторым „хальфой“ или заместителем известного Туркестанского шейха Ходжи Ахмеда Есевийского (ум. в 562/1166—67 г.).

нами и во главе большого войска подошел к Самарканду и осадил его. К крепостным стенам были приставлены лестницы и осаждающие вступили в сражение с гарнизоном.

Однажды ночью среди населения поднялся страшный крик и вопли страха. В это время дервиш, по имени Мовляна Шухрати, явился к шейху Лутфулле и сказал, что самое лучшее в эту ночь отправиться ему к хану, ободрить его и не пожалеть на это части своего благородного ума. Шейх послушался этого совета и явился к Барак-хану. У того, кроме Кушкулак-бахадур, — большого почитателя шейха, — других лиц не было. Шейх просидел у Барак-хана с час, давая ему советы, как появился взволнованный Мансур-Мирек, один из друзей Лутфуллы, и сказал: „Враги вошли в город и взяли его“. Шекер-Абдал, один из близких к хану лиц, страшно возмущенный обратился к нему с жестоким упреком: „Ты сидишь, когда город уже взяли“. Шейх прочел фатиху, ободрил хана и пошел к мазару шейха Нуруддина¹. А хан несколько раз порывался выйти вон из комнаты и находился в растерянном состоянии.

Но вот появился один из людей хана с известием, что Султан Саид вступил в город. Тогда Барак-хан со многими из своих людей бросился на врагов и к наступлению дня ни одного из них не осталось в Самарканде.

Хан потом рассказывал, что в то время, когда перед ним был шейх Лутфулла, ему казалось, что около него находится 10 тыс. миротворцев и страх перед врагами у него совершенно исчез. После этого происшествия Барак-хан возымел еще большую веру в шейха.

Некоторые из доверенных лиц хана, вроде Шейхим-Курчия, Мир-Тандуруста и Мир-Кадыр-Бердыя, были неприязненно настроены к шейху Лутфулле, но лицемерили перед ним. И когда Барак-хан захотел признать шейха своим духовным главою, они его отвратили от него. Лутфулла ушел из Самарканда в Хисар и оттуда прислал сказать своим самаркандским последователям, что с Самаркандом произойдет несчастье и что они, если могут, пусть покинут город. Когда эти слова распространились в Самарканде, группа почитателей и последователей шейха покинула город. Противники же Лутфуллы злословили и поносили его, говоря: „Он говорит о каком-то чудесном событии; посмотрим, в чем оно будет заключаться!“ Особенно издевались над шейхом его враги: самаркандский шейх-ул-ислам Ходжа-Яхья, и казий города Абулхайр. Прошло после этого 3—4 месяца, Барак-хан впал в смущение и с этим беспокойным состоянием переселился в другой мир. И все заговорили: „Шейх правду говорил, что в Самарканде произойдет событие; оказывается, он разумел смерть хана“.

После смерти Барак-хана, его старший сын, Дервиш-хан, занял в Ташкенте место своего отца, в Самарканде же сел его младший брат, Баба-султан.

Тем временем Гедай-хан и часть узбекских султанов, объединившись вместе, собрались в Дизахе (Джизаке) и Замине и решили прогнать Баба-султана. Это дошло до Дервиш-хана, который с 30-тыс. войском выступил из Ташкента в Самарканд. Когда он дошел до Дизаха, о его движении узнал Гедай-хан и Джеванмерд-султан. Они перехватили путь Дервиш-хану в „Зменном Ущелье“ (سوراخ مار)² и разбили его армию; боль-

¹ Очевидно, имеется в виду мазар Кутб-и-Чохардахума, шейха Нуруддин Басара, бывший в самаркандской цитадели (О нем см. Самария. Опис. древн. и мусульман. святынь Самарканда, Абу-Тахир-Ходжи. Перев. В. Л. Вяткина, в „Справ. книжке Самарк. обл. за 1898 г.“ Самарканд, 1899, стр. 180—182).

² По-узбекски „Йилан-ути“ известное историческое ущелье за ст. Милютинской (после Самарканда), где на утесах высечено две надписи: одна относится к походу внука Тимура Улуг-бека в 823/1424—1425 г. против моголов, а другая — к 979/1571 г., когда Шейбанид Абдулла-хан разбил здесь упоминаемых Дервиш-хана и Баба-хана.

шую часть солдат раздели донага и отпустили. Дервиш-хан бежал в Ташкент. Когда об этом узнал Баба-султан, он выступил против врагов с 1000 всадников, но ему также перехватили путь в „Змеинном Ущелье“ и в происшедшей затем битве он был разбит и с несколькими из своих людей бежал в Ташкент. В этой битве Шейхим-Курчи, Тандуруст-бий и Мир-Кадыр-Берды попали в степь и заблудились. А Мир-Кушкулак (قوشقلاق), почитатель шейха Лутфуллы, благополучно бежал с поля сражения и сколько его ни искали, не нашли.

Мир-Кушкулак, попав в опасное положение, дал обет: „Если я спасусь, я дам 1000 тенег моему господину Лутфулле“. Избежав опасности и спасшись, он выполнил свое обещание и принес 1000 тенег шейху.

Упомянутые султаны, одержав победу, направились к Самарканду. Тем временем самаркандские: шейх-ул-ислам Ходжа-Яхья и казий Ходжа-Абулхайр бежали из Самарканда через Шахрисябз в Хисар, но их выследили и схватили. Шейх-ул-ислам и казий за время своего пребывания в Хисаре испытывали множество унижений и страданий. После того правитель Бухары Абдулла-хан², правитель Самарканда Гедай-хан и весь народ вообще ввиду отрицательного отношения шейх-ул-ислама, казия, Шейхим-Курчия, Мир-Тандуруста и Мир-Кадыр-Берды к шейху Лутфулле и ввиду их лицемерия считали их виновными в оскорблении чести и достоинства шейха. Другим же и последователям шейха Лутфуллы во всем этом происшествии не было причинено никакое бедствие и горе (лл. 155а—157а)

Лутфулла, решив отправиться в хадж, избрал путь через Бадахшан. Владетелем Бадахшана был Сулейман-шах, встретивший шейха с большим почетом и парадом. Сопровождавшие шейха дервиши очень опасались Сулейман-шаха, который был сторонником дервишей *хоразми* (т. е. кубравийя), но все обошлось благополучно и Лутфулла направился дальше. По дороге на Кабул жило племя *хезарэ*, известное своими разбоями, грабившее по дорогам все проходившие караваны. Хезарейцы встретили шейха и его спутников, на первых порах служивали им, а потом покинули их и напали на караван шейха. И хотя в нем было много военных, вооруженных ружьями и луками, но шейх запретил им защищаться. Хезарейцы раздели донага всех мужчин и женщин, не взяли лишь у шейха нижнее платье, тулуп и сапоги. Книги же, всех лошадей, верблюдов и ослов шейха забрали. Шейх и все его спутники пешком продолжали путь на Кабул. В это время некоторые из дервишей отбили у хезарейцев лошадей, свертки с разными принадлежностями (بوغچه) и разные вещи и, явившись к шейху, дали ему верховую лошадь и платье. Так как многие из дервишей были пешие, то шейх сажал их попеременно на лошадь за своей спиной.

Вообще шейх, по словам своего деписателя, проявил трогательное милосердие и гуманность по отношению к своим спутникам.

В Кабуле Лутфулла был чрезвычайно тепло и торжественно принят населением и правителем Ходжей Мухаммед—„Али Хак-и-рах“. Через некоторое время последний принес шейху присягу в верности и шейх сделал его своим „хальфю“.

Так как путь в Мекку оказался закрыт, то шейх вернулся в Мавераннахр, ограничившись совершением обряда „таваф’а“ у мазаров суфиев ордена ходжей, бывших в Кабуле.

Прибыв в Хисар, Лутфулла проживал частью в нем, частью в Чаганияне. Так как все местные султаны, вроде Хисари Мухаммед-султана, Хашим-султана, Аббас-султана и его сына Ваккас-султана, были мю-

¹ Абдулла-хан—самый выдающийся из шейбанидов, правил в Бухаре с 964/1557 г. по 986/1578 на правах наследника престола. Описываемое событие, следовательно, произошло в этот промежуток времени.

ридами и последователями шейха, то они выстроили для него ханака внутри гор. Хисара. Все население Хисара и Чаганияна, „все его знатные, благородные и простые люди“, удостоились принести шейху присягу в верности и стать его искренними последователями. Население Хисара и Дих-и-Нау было из числа людей, имевших благодать привлечения избранных к Истине (اهل جذبہ) и шейх высоко ценил это население, чего не проявлял по отношению населения других мест, кроме Ахенгерана. После Хисара он высоко ставил население долины Ангрена по способности воспринимать и культивировать суфийское учение (лл. 158а—159б).

Характерный случай, рисующий характер Лутфуллы и его суфийское „смирение“, передает наш автор. Однажды шейх с дервишами остановился в селении Минг-Йигач и там, прилегши, предался послеобеденному сну. Рядом с ним растянулся и шейх Зуннун-и-Пискети (پسکتی-пскентский), сначала ученик Махдум-и А'зама, а затем принесший присягу нашему шейху. Лутфулла, проснувшись, сел и позвал одного из дервишей, сказав ему: „Прогони его!“ Тот, не поняв, о ком идет речь, спросил: „Кого прогнать?“—„Всякого, кто невежливо поступает. По невежливости он и улегся здесь безо времени“. „Брат же по пути“, шейх Зуннун, ходил после того в течение 7-лет, потеряв голову, и много испытал огорчений и страданий. И сколько народ не просил за него шейха Лутфуллу, тот не простил Зуннуна. И хотя для успокоения народа Лутфулла в таких случаях возглавлял „такбир“, но дервишам запрещал знаться с Зуннуном. И лишь за 2—3 месяца до своей смерти, находясь в сел. Авлык, в области Ахенгеран¹, Лутфулла простил поступок Зуннуна и, обращаясь к окружающим, сказал: „Такого рода люди и должны быть в жизни. Зуннун из таковых. Я семь лет его постоянно мучил, но он никогда не возмутился“ (л. 160 а-б).

Имея множество учеников, Лутфулла имел собственную ханака² в Чусте, мутеваллием которой он сделал своего зятя Мовляна Ахмед-„дамада“. Скупив некоторые села и деревни, он сделал их вакфами для этой ханаки, поручив управление ими Мовляна Ахмеду, а после его смерти—его детям, по особой „вакф-намэ“. Внука Махдум-и А'зама, Ходжу Исхака, женатого на дочери Лутфуллы, последний сделал своим заместителем в Хисаре, поручив ему там руководство народом и дервишами ордена „ходжагон“. (лл. 161а—162а)³.

¹ Теперешнее сел. Аблык (в просторечии); его тюркское название,—как свидетельствуют документы,—указывает на то, что в его местности была превосходная охота и кокадские ханы нередко здесь охотились.

² Ханака—общежитие дервишей с мечетью и обширным помещением для радений.

³ Факт, любопытный в том отношении, что помимо крупного землевладения у профессиональных учреждений (мечети, медресе, ханака и проч.), таковое бывало также у виднейших представителей тех или иных дервишских орденов, так называемых „ишанов“ и их потомков. Достигалось это, как мы видим здесь, путем передачи главою ордена „суфийской благодати“ не достойнейшему в ордене человеку, а сыну или, за неимением его, ближайшему родственнику ишана; этим, вопреки основным правилам дервишизма, за родом данного ишана закреплялось господство над определенной дервишской корпорацией со всеми вытекающими последствиями.

Так как пожертвование в вакф недвижимости по мусульманскому закону является делом весьма богоугодным, потому что такая недвижимость навечно остается за мечетью, медресе и проч. никем не отчуждаемая, а вакфодатель мнит получить за это награду от Аллаха,—то, поощряя своих последователей к пожертвованиям земельных участков в вакфы, ишаны подсказывали вакфодателям, чтобы они в своих дарственных грамотах, так называемых „вакф-намэ“, распорядителями или экономами (мутеваллиями) жертвуемой земли назначали ишана с его нисходящим потомством, пока оно не прекратится. Иначе говоря, род ишана обеспечивался доходами от вакуфных земель.

Приведем другой пример. Правитель Маверанахра, Абдулла-хан (1583—1598) посетил г. Шахрухия, на Сыр-Дарье. Остановившись у Сыр-Дарьи, вблизи города, где проживал шейх или ишан Шах-Амидулла-вели, хан получил от него в подарок двух ручных тигров. Считая этого ишана за святого человека, Абдулла-хан построил для него мечеть и обеспечил ее существование и ремонт пожертвованием в вакф ее земель и селений; кроме того, по просьбе шейха, Абдулла-хан обеспечил его двух

Ближайшим наперсником шейха Лутфуллы считался мулла Йусуф-Али, который, хотя и был учеником Махдум-и А'зама, и присягнул ему в верности, но в течение 30 лет безотлучно пребывал при Лутфулле, считаясь его самым близким лицом. Однако ученики шейха пытались отговорить учителя не назначать после себя своим наместником муллу Йусуфа (л. 162а и 163б).

Характерная особенность. Один из учеников шейха, Мовляна Фатхулла, которого ученики шейха, видимо, желали видеть заместителем последнего, не мог дать отчета шейху в том, что он делал при нем в течение 15 лет.—„В такой долгий срок, как 15 лет, разве я могу помнить, что сделал, что сказал, что съел?“ Лутфулла ему заметил: „Правильно нашего братства таково, что если ты находишь удовольствие от общения со мною, то тебе нужно дать мне отчет, а если у тебя нет этого удовольствия, то между нами и тобою есть лишь знакомство, не больше“. Так как Фатхулла не мог дать отчета, то шейх прогнал его.

В течение полутора лет Фатхулла был в вынужденной разлуке с шейхом, пока, наконец, тот не смилостивился и вновь принял его к себе. Но вскоре некоторые из дервишей принесли жалобу на Мовляну Фатхулла и шейх его опять прогнал. И сколько народ ни просил за него, шейх так и не принял его и запретил народу общаться с ним.

Фатхулла впал в отчаяние и удалился на запад, где стал проповедывать учение „тариката“. Он пришел в Крым и обратил тамошнее население на путь суфизма. Оттуда он прислал дервишам шейха весть, что у него путем просьб собралось 10 тыс. баранов, которые им предназначены для близких и друзей шейха. И Фатхулла действительно перерегнул этих баранов в Чуст, в ханака Лутфуллы. Потом Фатхулла, совершив хаджж в Аравию, направился в Турцию.

Там в это время была больна дочь султана, бывшая замужем за великим визирем. Несмотря на лечение лучших врачей, жизнь ее была в опасности. И вот однажды она видит во сне белолицего мужа, с рыжей бородой, с слабым зрением, который подошел к ней и прочитал фатиху; с того момента здоровье ее стало улучшаться. Принцесса рассказала сон мужу и просила во что бы то ни стало разыскать по указанным признакам этого человека и привести к ней. Фатхулла разыскали в одной из константинопольских мечетей и привели к принцессе. Та, увидав его, признала в нем виденного во сне мужа и упала перед ним на колени. Скоро она, ее муж, много турецкой знати и простого народа стали последователями проповеданного Фатхуллой учения ордена „ходжагон“ (л. 162а—463б). В конце концов, по ходатайству автора вышеупомянутого труда, Мухаммед-муфтия, шейх Лутфулла простился Фатхулла (л. 163б-164а).

Однажды шейх Лутфулла прибыл в Ахенгеран; всюду, где он останавливался, население от мала до велика совершенно безумело от радости. Этому успеху шейха некоторые очень завидовали; среди них были: ахенгеранский казий Мовляна Абдулла, дети умершего шейха Мухаммед-Хусейна „кубравийя“ и проч. лица из враждебно настроенных к шей-

племянников пожертвованием им с нисходящим потомством земель, орошаемых арыком „Дах бид“, с освобождением навечно от податей.

Вследствие этого потомки этих племянников потом образовали два вакуфных селения (существующие и поныне), Сейид-Мирек и Ходжа-Курган, причем для продления распоряжения Абдуллы-хана на протяжении почти 300 лет потомки племянников ишана заручались соответствующими грамотами ханов о праве не платить им подати в силу вакф-намэ Абдуллы-хана.

Производившиеся в 80-х годах прошлого века работы поземельной податной комиссии Сыр-Дарьинской области в районе бывшего г. Шахрухи выявили по документальным данным, что всего вакуфной земли за названными селениями оказалось 5060 дес. 2240 кв. саж., из коих пахотной—66 дес. 1080 кв. саж. и 4°98 дес. 116 кв. саж. степного пространства, поросшего травой „янтак“, идущей на топливо и корм верблюдов.

ху. Они стали возводить на Лутфуллу разные небылицы и затем, объединившись, отправились в Ташкент и заявили вышеупомянутому Ходжа-йи-Хурду из потомства „ташкентского Хавенд-и-Тахура, что шейх Лутфулла прибыл в Ахенгеран и называет его, Ходжа-йи-Хурда, кафиром, а их всех еретиками—шиитами. Затем все вместе принесли жалобу Новруз-Ахмед-Хану (иначе, Барак-хану), владельцу Ташкента. Тот, оказавшись в беспомощном положении, отправил к Лутфулле посланцев просить его прибыть в Ташкент. Лутфулла с своими дервишами, прибыв в Ташкент, остановился у своего искреннего почитателя, Исмаил-ходжи „знаменосца“.

Было время *номоз-и- дигяра* (около 2 час. дня), как пришел некто к Лутфулле и заявил, что в соборной мечети собрались муллы, шейхи и народ и среди них Ходжа-йи-Хурд и Ходжа-Иса, шейхантаурские шейхи, также садры и эмиры, которые требуют Лутфуллу. Но шейх отказался пойти на это приглашение, заявив, что придет завтра. Собрание было страшно оскорблено этим.

А на следующий день явился к Лутфулле Баки—„мухтасиб“ сказать от имени хана, что тот желает, чтобы между Лутфуллою и Ходжа-йи-Хурдом не было ссоры и чтобы никто не имел никаких претензий к шейху Лутфулле. Шейх Лутфулла после этого отправился к мазару шейха Хавенд-и-Тахура, где встретился с шейхом Ходжа-йи-Хурдом. Их взаимная беседа устранила возникшие было распри. Затем по приглашению бывшего здесь казия города все прочитали „фатиху“ и, сказав друг другу: „хайр бад“ (خيرباد)—да будет благо!—шейхи растались и инцидент был исчерпан. Лутфулла еще несколько дней оставался в Ташкенте, а затем направился в Самарканд¹. По поручению Лутфуллы, Мухаммед-муфти, на которого ташкентцы жаловались как на яркого пропагандиста учения Лутфуллы, был отправлен в Шахрохию, потом он направился в Пскент (پسکنت), а оттуда в Ташкент (л. 167).

По словам Мухаммед-муфти, как передает наш автор, он сопроводил Лутфуллу вместе с другими дервишами в Хисар. Там по прострвви нескольких дней шейх сказал ему: „Так как ты отправляешься в свою область, то я тебе приказываю немедленно по прибытии туда убить Мовляну Мухаммед-Вели Чадакского“. „Я, говорит Мухаммед-муфти, на это возразил: „Господин наш, я—(бедный) студент, еще не доучившийся, а тот—муж, пребывающий в долине дервишизма и ведущий подвижническую жизнь, сам уже шейх, как я могу его убить?! Об этом даже и подумать страшно!“ Мовляна Мухаммед-Вели Чадакский был одним из сподвижников Ходжаги-йи-Касани, Махдум-и А'зама, высокомерно держал себя по отношению Лутфуллы и находился с ним во вражде. Последний на возражения Мухаммед-муфти сказал: „Ты отправившись в Ахенгеран и там в селении Авлык вместе с несколькими друзьями (т. е. дервишами) в мечети вы все предадитесь *и'тикафу*², ты же вознесись мыслью к душам „старцев“ ордена „ходжагон“ и увидишь, каким образом найдется убийца Мухаммед-Велия“.

Мухаммед-муфти отправился в Ахенгеран и поступил так, как приказал ему его шейх. Он сел в мечети сел. Авлык с некоторыми из своих товарищей и предался *и'тикафу*; во время его он был „восхищен“ и увидал устремившегося на него с шашкою разгневанного Мухаммед-Велия, который стал гоняться за ним, готовый его убить. Но вдруг появился шейх Лутфулла с шашкой и, бросившись на Мухаммед-Велия, нанес ему смертельную рану. В этот момент Мухаммед-муфти очнулся; его товарищи стали расспрашивать, что с ним произошло. Он рассказал все виденное им. А на другой день пришло известие, что

¹ Повидимому, это несколько иная версия вышеизложенного такого же рассказа.

² *И'тикаф*—трехдневное уединение в мечети с углублением в пост и молитву.

Мухаммед-Вели почувствовал страшное беспокойство и слабость и от той немощи умер (лл. 182—183).

Наш автор, несомненно, видит в этом чудо, проявленное его учителем, шейхом Лутфуллою, но все до чрезвычайности напоминает вышерассказанное убийство Ибрагим-султана мюридом Махдум-и А'зам по приказанию последнего (там тоже „в нужный момент“ предстал „в видении“ перед колебавшимся убийцей его шейх, Махдум-и А'зам).

Весьма интересно следующее сведение, к сожалению, не связанное с точным указанием места. Однажды шейх Лутфулла направлялся со своими близкими и учениками из мечети в город и неожиданно встретил старого христианского монаха (راهب), который поклонился ему. Шейх спросил монаха: „Ты ли старше или твоя борода?“ „Я старше своей бороды на двадцать лет“,—ответил монах,—„она потом уже появилась“,—„О, несчастный,“—сказал Лутфулла,—„после своего совершеннолетия и физической зрелости ты каким был, таким и остался, выростая из черноты, гнилости и житейской неопытности. Лучше бы тебе совсем не открывать в себе перемены и не быть вполне созревшим!“ „Бедный монах, услышав эти „благодатные“ слова, тотчас же разорвал свой пояс (زار), исповедал мусульманство и стал правоверным (л. 185а)¹.

Земли Чуста (пишется в большинстве چوس) вначале принадлежали одному из военных чагатайцев (اريسپاهيان چغتای) по имени эмир Тохта-йи Чусты (Чуси). Однажды он явился к шейху Лутфулле и сказал: „Са'дулла, калантар² этого города (Чуста), сделал на моем мильке³ посев, а плату за эту землю не дает“. Шейх сказал: „По этой жалобе нужно бы поговорить с ним“. Эмир Тохта сказал: „Не знаю, как это сделать“. Шейх сказал: „Пусть кто-нибудь сходит к калантару и попросит от него объяснений, что он скажет?“ Эмир Тохта послал к калантару своего соседа Абулкасима. Тот вернулся и сказал: „Он говорит:—„вот уже 3 дня как я болен, но обещаюсь, что через 3—4 дня, как встану, скажу тебе ответ“.

Случилось, что в тот день шейх Лутфулла с дервишами занимался постройкой стен одной из худжр и Абулкасим как раз пришел с ответом от калантара Са'дуллы на ту постройку. А шейх Лутфулла в тот момент был в сильном наитии. Услышав ответ калантара, он сказал: „Странный ответ! Тем более, что Са'дулла, повидимому, через 3—4 дня не сможет встать и в этой болезни и помрет, не дав надлежащего ответа“. Так и случилось (лл. 192б—193а).

Этот калантар Са'дулла был тюрк и вначале, когда шейх Лутфулла прибыл в Чуст, он, как истый тюрк, будучи безмерно далек от „мира святых“, то и дело говорил народу: „Что этот мулла делает в нашей даха?⁴ На что ему нужно приобретать недвижимость и всякое имущество? Сына у него нет, других детей—немного. Для кого он все это

¹ Приводимый здесь факт опровергает установившееся у историков мнение, что христианство прекратило в Средней Азии свое существование в XIV в. Покойный В. А. Вяткин в своей статье „К вопросу о последних христианах в Средней Азии“ („Турк. Вед.“ за 1897 г., № 13), приводя из Рэшехага, ас-Сэфи'я, перевод рассказа об осаде Шахрохия во второй половине XV в. монголами и кафирами, разумел под последними христиан. Известие о христианах нашего памятника отодвигает их существование в Средней Азии еще на столетие ближе к нам.

² Калантар—старшина

³ Мюльк или мильк—участок земли, принадлежащий его владельцу на праве собственности.

⁴ Термин даха, обычно употреблявшийся в районах по Зарафшану, как это видно из настоящего памятника, в XVI в. был в употреблении и в Фергане. Даха включала теоретически десять селений, но в действительности их бывало меньше, так что понятие даха должно быть отождествлено с нашим прежним понятием волость. Стоявший во главе тогдашней ферганской даха калантар (в позднейшем бухарском административном языке—старшина еврейского квартала), таким образом, соответствовал волостному управителю или волостному старшине.

копит? Эти публичные заявления калантара причиняли немало огорчений Лутфулле, так как, очевидно, дискредитировали его в народной среде (лл. 193а-б).

Зять шейха Лутфуллы, Низамуддин Мовляна Ахмед, рассказывал, что в 967/1559—160 г. казахские султаны, в числе двадцати человек или даже больше, с многочисленным войском дошли до Сайрама с намерением открыть военные действия и овладеть всем Мавераннахром. Все население этого района пришло в сильное смятение и впало в панику, так как не имело возможности оказать сопротивления врагам. Шейх Лутфулла был в это время на смертном одре, но, услышав об общей беде и народном волнении, он, несмотря на свою тяжкую болезнь, стремился успокоить народ.— „Дайте мне мои четки,—сказал шейх,—я хочу поставить преграду, чтобы насильники и враги (казахи) были побеждены и не смогли бы придти в страну мусульман“. И шейх в течение нескольких дней был занят этим. В результате пришла весть, что между казахскими полчищами и узбекскими султанами городов произошло столь кровопролитное сражение, что ни устно, ни письменно изложить его нельзя.

Сначала перевес склонился на сторону казахов, и войско горожан уже готово было обратиться в бегство, но поднявшийся вдруг сильнее ветер с пылью подул на казахов и столь сильно одел их тучами пыли, что они обратили тыл и доставили полную победу оседлому населению. В этой битве около 20 казахских султанов потеряли свои головы. По этому случаю казий г. Ташкента, многоученный Мовляна Задэ, составил следующий тарих:

بود بويداش خان بىسى پرياد * كه بىلشكر زما فزون امد
اذن حق شد قرين قلتما * كه بان كترتش زيون امد
بهر ناريع قتل او گفتم * باد بويداش خان برون امد

т. е. Был чрезмерно легкомысленный Буйдаш-хан,

Который пришел на нас с сильнейшим войском.

(Но), несмотря на нашу малочисленность, явилось благоволение Истины,

Так что при (всей) многочисленности его (войска), он стал побежден.

Я, ради даты, об убийстве его сказал:

„Дыханье (буквально—ветер) Буйдаш-хана вышло вон“.

Здесь слово بويداش надо читать без б, а и д, вычитая из него три буквы слова باد, т. е. оставляя ويش, что в числовом отношении дает цифру, вместе с словом خان—968, (т. е. 967) 1559—1560 г. (лл. 198а—199а-б).

По рассказам близких к Лутфулле лиц, однажды шайка киргиз (قرقز) сделала набег на Ахсикет и угнала всех баранов в горы Хазрат-и-Имам. Объединившиеся мусульмане¹ тщетно преследовали киргиз, желая отнять у них стада. Тогда шейх послал к киргизам трех своих мюридов с подарками и те своими дипломатическими речами и подношениями так расположили в свою пользу главаря киргизской шайки, что все бараны Лутфуллы были полностью возвращены ему (лл. 201б—202б).

Баранов у шейха было великое множество и они паслись под призором одного из суфиев сел. Урджакет. Долгое время Лутфулла не проверял своих стад и не требовал отчета об их численности. Но однажды он выехал к месту выпаса стад и обнаружил, что баранов осталось мало. Страшно рассерженный и огорченный этим, Лутфулла наговорил своему мюриду много гневных слов. „Господин мой,—сказал тот,—

¹ Наш источник противопоставляет киргизам, которые, очевидно, по его мнению, немусульмане, неверные, население Ахсикетского округа.

ведь мое пропитание было от этих стад, я одевался и обувался тоже от них. Делайте со мною, что хотите“!— „Осел и вместе с тем человек, —сказал шейх,—рассуди по совести, кто в этом деле бессовестный“? (л. 202а—202а-б).

Сильная холера случилась в Фергане и во всем Мавераннахре, особенно в Самарканде, где ежедневно множество мертвецов обоего пола выносили через городские ворота. Наш источник объясняет это тем, что вышеупомянутый Султан-Са'ид самаркандский проявил неприязнь, невежливость и неприличные поступки по отношению к шейху Лутфулле. В то время хакимом Ахсикета (родины Лутфуллы) был старший сын Барак-хана ташкентского—Дервиш-султан. По случаю эпидемии он хотел отправиться с своим гаремом и слугами в Сафед-Булян, но в это время Лутфулла, ввиду сильной холеры покинувший Самарканд, прибыл в Ахсикет. И все население с султаном, министрами, знатными людьми и духовенством явилось к нему на поклон. Шейх Лутфулла не допустил, чтобы султан выехал из Ахсикета, говоря ему: „Не бойтесь и оставайтесь здесь, я надеюсь, что настоящая беда (холера) прекратится и население освободится от этой страшной болезни“. Так оно и случилось (л. 204б—205б).

Говоря в последней (VIII-ой) главе о разных случаях из жизни шейха Лутфуллы, наш автор в то же время дает любопытную и убийственную по своей откровенности нравственную характеристику этого „суфийского старца“.

Лутфулла называл себя человеком срамным (شطاح) и развратным (л. 219а). Женщин он делил на три разряда: одни—вполне женщины, вторые—наполовину, а третьи—совершенно не женщины. Первые те, которые вышли замуж в девическом состоянии, вторые те, которые бывают взяты в состоянии открытия ими лиц и не бывает у них никакого суждения о прежнем муже, и третьи те, которые вышли замуж, имея при себе ребенка от прежнего мужа (л. 208б). Из рассказа на л. 207б можно заключить, что женщины второго рода те, которые еще до замужества потеряли невинность и вели легкомысленный образ жизни (по терминологии Лутфуллы, они—„кармызы фурухта“—продавшие невинность).

Проживая в Ахсикете под конец своей жизни, Лутфулла приказал поставить себе тахту у водоема, что близ базара, и на этой тахте он проводил большую часть времени с развязанными штанами, в столь непристойном виде, что народ, особенно женщины, избегали проходить мимо (л. 206б—207а).

Мы оканчиваем на этом передачу содержания этого редкого агиографического памятника XVI в., полного живых и ярких картин из быта, главным образом, тогдашнего ферганского и ташкентского населения, темного, скованного цепями рабского повиновения своим алчным и безнравственным „духовным руководителям“, шейхам или пирам, и изнывавшего под игом своих войнолюбивых правителей, разорявших народ непрерывными войнами и обременявших его всякими налогами и поборами.